

Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро, за истину, за справедливость, – и так шаг за шагом до геенны огненной и Колымы. Все, что из плоти, рассыпается в прах: люди и системы. Но дух вечен, и страшен дух ненависти в борьбе за правое дело (Г.Померанц).

3. Миркина

Единственная революция

Название моей статьи – плагиат. Так называется книга Д.Кришнамурти. Единственной революцией, нужной миру, он считает революцию, происходящую в душе человека, преображающую эту душу. И, конечно, не касающуюся никакого оружия.

В истории человеческой революций было множество. Только вот той единственной еще не было. Хотя всякая революция полна энтузиазма и считает себя самой справедливой и правой. Так было и в октябре 17-го года. Затем произошло то, что произошло. Люди пожали плоды революции и опомнились! Сегодня вся либеральная интеллигенция нашей страны, конечно, антисоветская, антибольшевистская. Мы рукоплещем Майдану, как революции антисоветской. Наша либеральная интеллигенция видит «свет Майдана», который светит в постсоветской тьме и тьма не объяла его.

Но прежде, чем разбираться в истории наших революций, я хочу вспомнить то, что происходило в Москве в конце XX века – а именно август 1991 г. Это был может быть наш звездный час. Люди вышли на защиту свободы и собственного достоинства. Здесь у Белого дома были представители самых разных республик Советского Союза и Российской Федерации. И чеченцы были совершенно солидарны с русскими. У Белого дома в августе 91-го был и Дудаев. И мы победили. Почти без крови. Чисто. Достоинно. Мы ликовали. Победили? ГКЧП обошло нас с тыла. Незаметным образом. Наш кумир Ельцин, великолепно смотревшийся на танке, через два года, не сумев договориться с собственным парламентом, приказал расстреливать Белый дом, а через некоторое время начал страшную чеченскую войну. Ну а затем, как известно, пропил Россию и сдал ее Путину.

Мы не знали, что делать со своей свободой. Народ не дорос до нее. Правители были беспомощными. Борьба за свободу и достоинство может быть успешной только тогда, когда народ и правительство хорошо понимают, что свобода – это еще и великая ответственность. Не думаю, что на Украине это понимали лучше, чем в России.

Ну а теперь я хочу попробовать разобраться в том, что происходило тогда, в 1917 г. Хочу напомнить, что революция

октябрьская сперва была ответом на глобальное зло. Таким глобальным злом оказалась Первая мировая война – дикий разгул национализма. Еще и до этого – зла в России хватало. Было 9 января, когда почти канонизируемый сейчас Николай II приказал стрелять в безоружную толпу, из-за чего и получил прозвище «Николай кровавый». Было и многое другое. Никогда не забуду рассказа моего отца о том, как он стал членом большевистского подполья. Он, живший в Баку, был свидетелем чудовищного армянского погрома, учиненного турецкой армией (1918). И они с другом (прямо как Герцен с Огаревым) поклялись, что сделают все, чтобы такого больше никогда не было.

Среди большевиков бакинского подполья была и легендарная Ольга Шатуновская, о которой Г.С.Померанц написал книгу «Следствие ведет каторжанка». Тот, кто прочтет книгу, увидит, что это была подвижница, сочетавшая в себе не только величайшее мужество, но и поистине великое сердце.

Те, кто читали книгу Петра Григорьевича Григоренко «В подполье можно встретить только крыс», могут увидеть другую светлейшую личность. Петр Григорьевич пошел в Красную армию, увидев погром «дроздовцев» (полк белого движения, хозяйничавший на Украине). Гимназист Петя Григоренко выскочил из окна второго или третьего этажа, чтобы защитить еврейского мальчика, которого чуть ли не до смерти избивали белые солдаты, те самые, которых сейчас рисуют только с крылышками. Зло разгулялось и овладело и теми и другими. Я думаю, что мы должны это видеть. Победили большевики, и потому в оценке гражданской войны мы качнулись в сторону белых (они нам кажутся лучше – не они правили нами 70 лет). И всё-таки, всё не так однозначно. Было немало чистых и светлых людей, искавших выхода из мирового зла и пошедших в революцию. Они горько поплатились за свою веру, но я никогда не соглашусь с теми, кто называет их всем скопом мерзавцами в полной уверенности, что мы сегодняшние гораздо лучше и умнее них.

Мы стали антибольшевиками, но нередко прямолинейный антибольшевик становится большевиком наизнанку и повторяет все то, что делали большевики только с другим знаком. Непримирым антибольшевиком, антиленинцем был Солженицын. Он сделал великое дело, написав «Архипелаг ГУЛАГ». Он стал нашим героем, нашим знаменем. И конечно стал снова гонимым, был выдворен из СССР. Однако его методы спора и борьбы были очень похожи на ленинские (об этом говорил даже человек, поначалу горячо любивший его, – протоиерей А.Шмеман. После «Ленина в Цюрихе» возник «Солженицын в Цюрихе» – тот же острый меч, повернутый во вне).

Ну и, наконец, сам Ленин. Никто из нынешних либералов не сомневается в том, что он – исчадие ада, тот самый Ленин, на которого столько лет молились, как на икону, и в какое-то время неистово, глубоко, искренне.

Да будь я и негром преклонных годов,
И то, без сомненья и лени,

Я русский бы выучил только за то,
 Что им разговаривал Ленин.
 (Маяковский)

(Ну, а теперь, похоже, на Украине призывают забывать русский за то, что им разговаривал Ленин).

Ну так кто же он все-таки такой, Ленин? Об этом много, очень глубоко и трезво раздумывает В.Гроссман на страницах повести «Все течет». Много и горько говорит об истории России с ее тысячелетним рабством и о тех, кто искал для России выхода. Среди этих ищущих был и Ленин. Не только Россия, весь европейский мир был в кризисе, который кончился войной всех со всеми. Ну и, разумеется, «призрак бродил по Европе, призрак коммунизма». Империалистическая война наделила этот призрак плотью и довольно сильной. И этот воплотившийся призрак избирает для своих благих, как ему представляется, целей хирургов. «Суть подобных людей, – пишет В.Гроссман, – в фанатической вере во всемогущество хирургического ножа. Хирургический нож – великий теоретик, философский лидер двадцатого века».

И вот, чуть раньше: «Черты интеллигента, казавшиеся истинным содержанием ленинской души и ленинского характера, едва дело доходило до дела, уходило во внешнюю незначущую форму, а характер его проявлялся в негибкой, железной и иступленной воле». Да, он страстно верил, что зло можно вырезать хирургическим ножом. «Для этого нужна была власть. Но власть, к которой он так страстно стремился, – пишет далее В.Гроссман, – была нужна не ему лично». И еще чуть дальше: «Для того, чтобы с такой мощью жаждать власти, надо обладать огромным политическим честолюбием. Черты эти грубы и просты. Но ведь этот политический честолюбец, способный на всё в своем стремлении к власти, был лично необычайно скромным, власть он завоевывал не для себя» (подчеркнуто мной – З.М.), а во имя идеи, которую ставил выше всего личного, добавлю я.

Человек, фанатично служивший одной идее, неподкупный, подобно Робеспьеру (для себя, во имя свое – ничего. Все – во имя революции. «Нравственно то, что полезно для революции»).

Как ни страшна, как ни неприемлема для нас его идея, но это была идея борьбы со злом. Зло в мире разбушевалось. Чернышевский звал Русь к топору. Ленин – к полному перевороту.

Так нельзя было? Это мы сейчас отлично знаем. Это знали еще тогда семь одиночек-веховцев. Их голоса были комариным писком. Их не слышали. Их топтали. После победы революции их и им подобных выслали на «философском пароходе». Философия была не нужна. Глубокая связь всего живого – религия – объявлялась опиумом. «Не мир, но меч». И только меч. А «взявший меч от меча и погибнет» – это то, что казалось враждебной чепухой. Как и «блаженны миротворцы». Никаких противоречий, которые, сталкиваясь с поверхностью, уводили бы в глубину, открывали бы глубину. Никакой глубины нет. Никаких перекрещивающихся линий, образующих пространство, объем. Ничего

этого нет. Есть прямолинейность, прямая линия, сталкивающаяся с другой прямой, как два ножа, два меча.

Это и есть война. Война империалистическая перешла в войну гражданскую. И опять – две прямолинейности. И каждая – во имя Добра. Об этом опять же лучше всех сказал тот же Гроссман. Идея Добра, сметающая на пути своем само Добро. «У мужчин были идеи, – говорил Коржавин, мужчины мучили детей». Да, Ленин боролся за Добро и множил зло. Он как будто стал опоминаться: возник НЭП, была трагическая записка больного Ленина о возникновении новой бюрократии, о провале своем. Но было уже поздно. Кто-то из западных мыслителей (не помню кто), сказал, что Россия пережила два трагических события. Первое то, что Ленин родился, второе – то, что он слишком рано умер. Ибо только он смог бы найти выход из того тупика, в который сам же загнал Россию» (Не ручаюсь за точность слов, но ручаюсь за точность смысла). Как бы там ни было, Зло разрасталось, оно заняло все пространство, посмеялось над всеми идеями, растоптало их своими сапожищами, прожевало, вымазав ими свои знаменитые усы.

Да, пришел «великий» усач, страшный людоед и воцарился под знаменем идеи, хотя никаких идей у него и в помине не было. Идеи Троцкого сменились на бухаринские (или наоборот), а потом пришлась очень по вкусу идея гитлеровская. В 39 году была отправлена телеграмма фюреру от вождя мирового пролетариата: «Дружба наших народов, скрепленная кровью»!!! (Это во время раздела Польши. Все идеи годились для поддержания власти. Но этот уже хотел власти для себя и только для себя, – т.е. он верил только в личную тиранию и ни во что больше. Бороться со злом? Вот уж чего ему было не нужно! Зло победило полностью.

Есть анекдот о том, как миссионер стыдит людоеда, съевшего собственных родителей. И маму, и папу.

– Это нехорошо, – говорит миссионер.

– Почему нехорошо? – улыбается довольный людоед, поглаживая себя по животу. – Почему нехорошо? Хо-ро-шоо...».

Да, Сталин пришел к власти на ленинских идеях. И, однако, он не был продолжателем Ленина. Тут я должна остановиться, потому что слышу горячее несогласие очень многих. С пеной у рта мне возразят, скажут, приводя многочисленные примеры, сколько зла сделал Ленин. «Нет, он ничуть не лучше Сталина. Сталин его достойный ученик и продолжатель. Ленин ужасен, он такой же людоед».

И теперь я хочу задать вопрос: судим мы о человеке только по его поступкам или еще по мотивам этих поступков? Вор, укравший, чтобы накормить голодную мать, ребенка и вор, укравший, чтобы выпить, разбогатеть, – одинаковы?

Кто такой Родион Раскольников? Хороший он человек или плохой? Он, убивший не только вредную старуху, но и блаженную Лизавету, к тому же беременную? Где была его душа, когда он мог все это совершать?

А душа ведь была. Душа его корчилась под его же топором, задавленная его же теорией. Душа его сражалась с теорией и была побеждена. Не совсем. Слава Богу, не совсем. На каторге пришла в себя. Ожила.

Достоевский показал это на примере одного человека, но может быть, в нем сконцентрировалась душа всей революции. Раскольников был один, глаз на глаз со своей теорией, запертый в мрачной конуре. Но когда теория вышла на свободу, огласила площади, улицы, победить ее стало много, очень много труднее. Хотя и в душе одного человека спор с теорией не всегда решался топором. В очень близком к Раскольникову герое Иване Карамазове всё было сложнее. Он как бы раздвоился. Сам не мог до конца добить свою душу. Как сказал о нем прозорливец Зосима, вопрос его не мог решиться в отрицательную сторону.

Однако он мучительно решался всю жизнь. И в Смердякове, который чувствовал себя его учеником, он решился просто и однозначно. Он убил отца. «Вы научили, а я убил», – скажет он Ивану, а Иван от этого ответа сойдет с ума.

Я убеждена, что Ленин похож на Раскольникова, а Сталин – на Смердякова. Правда, этот Смердяков не повесится. Отнюдь. Он прекрасно воспользуется деньгами убитого, это будет начальным капиталом. Затем он станет властелином над всеми этими размышляющими, рефлектирующими Иванами и одним движением сапога толкнет их под пытку, в Гулаг, под расстрел. И все будет для него очень просто. «Почему нехорошо? – Хо-ро-шо!..»

Нет, несмотря на страшные дела, которые вершились и при Ленине, несмотря на чудовищный стиль его спора, несмотря на то, что Достоевского он называл архискверным, он был одним из героев Достоевского, очень близким к Раскольникову, теория, которая разрослась не в одной его голове, а в миллионах голов и поэтому приобрела невероятную силу. Он был фигурой трагической, в отличие от Сталина – персонажа из уголовного мира и психиатрической больницы. Продолжатель Ленина уничтожил всех верных ленинцев. И вот, бедные дети арестованных и часто расстрелянных родителей организуют общество «юных ленинцев». Разумеется, их ждет судьба всех старых ленинцев. Трех (мальчиков 18-ти лет) расстреливают. Остальным дают 25 лет. Отсидели пять. После смерти людоеда вышли на свободу.

Постепенно стали диссидентами. И они и многие другие начали бороться против постсталинского режима. Никакой особой программы и уж, конечно, никакой хирургии... Лозунг один – исполняйте собственные законы. Так было в брежневскую эпоху.

Но прежде чем говорить о брежневской эпохе и последующих событиях, я должна вернуться к Октябрьской революции, к тому, как она была принята не только у нас, но и во всем мире. Как и почему.

Огромная часть либеральной интеллигенции западного мира приняла Октябрь русский с восторгом. «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида. Мир действительно был потрясен, воспринял русскую революцию как надежду, как свежий воздух, ворвавшийся в духоту

омертвевшего мира. Не говоря уже о большом числе прекрасных европейских писателей, но даже такая глубочайшая душа, как Тагор, писал свои письма о России с верой и любовью.

Дело в том, что мир действительно был в кризисе и на какое-то время показалось, что Россия нашла выход из него. Даже у очень зоркой Марии Цветаевой вырвались строки: «Россия моя, Россия, зачем так светло горишь?» Хотя автор «Крысолова» очень скоро увидела правду, рассеивавшую чары, которые уводили в пропасть не только крыс, но и детей. Да, дудка крысолова пела про сказочный «Индостан», или царство Божие на земле. Она уводила из душного безжизненного Гаммельна. Куда угодно, только от этой духоты, от спёртого воздуха, от сытой или голодной смерти.

Два на миру у меня врага,
 Два близнеца неразрывно-слитых:
 Голод голодных – и сытость сытых.
 (М.Цветаева)

Голод голодных сотворил революцию в России, сытость сытых выталкивала в нее лучших, чистых людей Европы. И то, что побеждённые, эмигрировавшие из России белогвардейцы, там на Западе создали организацию, служившую ЧК СССР, было не случайно. Это была трагическая закономерность. Сергей Яковлевич Эфрон говорил Марине Ивановне, что она ошибалась, воспевая «Лебединый стан» – белое движение. Да, он был его участником, но это была ошибка, как считал он теперь. «Народ был не с нами», – говорил он жене.

Сколько чистых, горячих душ тянулись из жующего и болтающего Запада в Русский «Индостан». И как страшно они были наказаны...

После ужасов сталинской эпохи, после парадоксальной хрущевской оттепели, началась эпоха брежневская. Теперь поговорим о ней: безжизненность полная, мертвечина, – огня никакого – ни праведного, ни неправедного. Ни истинного, ни обманного. Духота. Смерд.

И Галич пишет свои гениальные песни, бесконечно высмеивая и бесконечно скорбя. Тут и «Красный треугольник» – где отношения жены – партийного босса и загулявшего мужа рассматриваются на партсобрании и решаются «по-партийному». Тут и «Караганда» – песня о девочке, у которой арестовали родителей в 37-м. Ее лишили дома, выслали в Караганду, убили душу. Убивали душу по-разному. Л.Е.Пинский считал самой страшной песней Галича песню как бы безыдейную, просто человеческую «Веселый разговор». Это рассказ о жизни матери и дочери. Матери, претерпевшей и голод, и холод, и тюрьму, но сохранившей чистую душу; и дочери, так легко и просто предавшей и собственную мать и душу собственную. В этой песне и вправду много сказано: начало нового поколения, которому все «до лампочки», для которого любовь, честь, достоинство – пустые слова.

Надругательство над честью, над святыней в горчайшей песне о том, как над могилами героев разгулялась «королевская охота» – развлечение партийных вождей.

И, наконец, уже выход в метафизическую тоску – песня Галича о чёрте, который обещает все блага жизни за такую малость, как продажа совести.

«И ты можешь лгать и ты можешь блудить
И друзей продавать гуртом,
А что надо будет потом платить –
Так ведь это ж потом, потом».

И не кровью надо подписаться (зачем эта высокопарность) – чернилами, обычными чернилами проставить обычную подпись... И сколько их было, поставивших такие подписи...

А где-то в далекой Иудее сейчас, как 2000 лет назад бредет худенькая Мария «в платице, застиранном до сини», бредет, «думая о сыне и о страшной участи сыновней».

Как болели ноги у Мадонны,
Как хотелось всхлипнуть по-ребячьи,
А вослед ей ражие долдоны
Отпускали шутки жеребьячьи.
Аве Мария.

И сейчас в XX веке продолжается то же, что и тогда. Допрашивают, конечно, ни в чем не повинного замученного человека, обросшего бородой и напоминающего всем своим видом древнего пророка.

Упекли пророка в республику Коми,
А он и перекинись башкою в лебеду,
А следователь Хмурик получил в местком
Льготную путевочку на месяц в Теберду.

А Мадонна шла по Иудее...

.....
И ложились тени на суглинок,
Притаились тени в каждой пяди –
Тени всех бутырок и треблинок,
Всех измен, предательств и распятий.
Аве Мария.

Это самая поразительная песня Галича. Самая глубокая. Это выход в действительную, живую религиозность, очень далекую от той пародии на религиозность, которая сейчас у всех на виду. Это наглядность длящегося по сей день распятия. Это – понимание, что без духовного воскресения и вправду наступит конец света.

Недавно, в статье Юрия Роста в «Новой газете» я прочла очень хорошие слова. процитирую, к сожалению, не точно, но смысл точен: «Лицо страны – это люди, сохранившие лицо».

В нашей стране были и есть люди всякие. Люди, прожившие 70 лет при страшном режиме были и растерявшимися и предававшими, верными слугами режима. Но это не было лицо страны. Лицом страны

были люди, о которых писал в своих не пародийных, а трагических песнях Галич. Лицом страны был Сахаров, Пастернак, Ахматова со своим «Реквиемом». Лицом страны был великий мученик и великий праведник Петр Григорьевич Григоренко. Лицом страны был Даниил Андреев – великий поэт и духовидец и тоже великомученик. Лицом страны был малоизвестный поэт, человек великой души Александр Солодовников и, наконец, Александр Владимирович Мень, истинный христианский пастырь, убитый теми, кого можно назвать не лицом, а звериной рожей страны.

И, разумеется, лицом страны были два человека, которых я считаю величайшими русскими писателями XX века: В.Гроссман, осмысливший наш век, как никто другой, и А.Платонов, который пройдя через все иллюзии и все ужасы своего времени, открыл и обнажил такую глубину человеческого сердца, которая действительно просияла, как свет во тьме. Лицом страны был и очень большой русский поэт, живший на Украине и кровно с ней связанный Борис Чичибабин.

Пусть простят меня те, кого я не перечислила. Их не так-то мало. Почти все они мученики, почти всех их травили или убивали. Но они – живы.

Ну вот так я подхожу к сегодняшнему дню и к тому, что называют светом Майдана. Подхожу и снова возвращаюсь назад, к истории, общей нашей истории России и Украины – истории СССР.

Внутри брежневской мертвечины развивалось некое государство в государстве. Так называемая теневая экономика, то, что получило имя рашидовщины. Горбачев, придя к власти, прежде всего начал борьбу с «рашидовщиной»; с правовым беспределом, абсолютно безразличным к какой бы то ни было идеологии. Интересовала только нажива. Горбачев начал борьбу за законность (как и диссиденты прежде) и проиграл. Победила рашидовщина. Свобода обернулась полным своеволием. Как сказал С.Аверинцев: «нам дали свободу говорить, вора́м – воровать, убийца́м – убивать».

Произошло чудо – свобода слова. Всё, за что сажали, открыто печатают. Но вскоре стало ясно, что это почти ничего не меняет. Говорите сколько угодно – вас не слушают.

Вы не представляете никакой опасности для тех, кому не нужны никакие идеи, – только нажива. Разрешен Солженицын и все палачи занимают весьма почетные места.

И тюрьмы вскоре заполнятся новыми не угодившими новым хозяевам арестантами. Это произойдет не сразу, но произойдет. Победит полный цинизм. Горбачева снимут, как беспомощного, не слишком радикального рулевого, а кумир антисоветчиков и борцов за правое дело Ельцин, как уже было сказано, пропьет Россию, прежде спешно и совершенно безответственно расколов СССР, не соблюдая никаких правовых норм, только чтобы поскорее выдернуть кресло из-под Горбачева.

Горбачева стали бить все радикалы. И вот, после одного такого побоища (на какой-то конференции) в «Вестях» российского

телевидения телеведущий С.Флярковский был единственным человеком, заступившимся за Михаила Сергеевича: «Кто такой Горбачев? – спросил он и сам ответил, – Одинокий человек, который развязал нам рты и мы тут же потребовали, чтобы он развязал нам руки и этими руками стали бить друг друга и в первую очередь его, Горбачева». Радикальнее! Смелее! – вот чего требовали от Горбачева. А были ли подготовлены к такому радикализму? Честный и благородный Гайдар стал премьером. Однако реформы его провалились и позднее он признавался, что рынок без моральных норм – это кошмар. А когда Г.Померанц говорил, что школа сейчас важнее экономики, над ним смеялись, совершенно не принимая всерьез. Между тем школа и есть та подготовка душ к истинным свободе и достоинству, без которых всякая революция переходит в кровавый кошмар.

Я, вроде, подошла к Майдану, а все время возвращаюсь к России. Да, потому что не миновать этого: слишком связана Украина с Россией. Слишком долго у нас была общая история. И в советской империи украинцы играли ничуть не меньшую роль, чем русские. Откуда пошло словечко «вертухай»? От украинского «не вертухайся» – команда украинцев–надзирателей зекам. А сколько украинцев было в ЦК, в политбюро?

Голодомор на Украине? Да, величайшее преступление Сталина. Но был голодомор и в Поволжье, и в Казахстане. А весь Гулаг разве не равно касался всего СССР? «Нет для нас ни черных, ни цветных» – всех – к ногтю.

Если и были народы, осмелившиеся выступить против кровавого сталинского режима (прежде всего чеченцы), то это отнюдь не украинцы. Они были верноподданными этого режима, точно также как русские, белорусы, казахи и т.д.

Так было до тех пор, пока Сталин не поделил с Гитлером Польшу и не присоединил Западную Украину, введя в страну Троянского коня.

Западная Украина, как и Прибалтика, были действительно оккупированы, и влияние Западной Украины на всю Украину стало расти и набирать силу.

Что СССР должен был распасться, Гриша знал давно. Узнал в лагере. Настроения эстонцев, латышей, литовцев и украинских бандеровцев там были видны отчетливо. (Кстати, зверства бандеровцев в лагере – тема особая. Об этом Гриша и его товарищи не могли говорить без содрогания). Как бы там ни было, о дружбе народов не могло быть и речи.

Но восточная Украина жила одной жизнью с Россией, и уж, конечно, одной культурной жизнью.

Я не специалист в политике – не политик и не историк. И то, что меня волнует больше всего, то, о чем пишу и думаю – это духовное состояние человека и мира. И знаю, что одна из самых страшных духовных болезней человечества – это национализм. Конечно, бывают и умеренные не смертельные формы этой болезни. Не агрессивный национализм часто считают даже здоровьем нации, и все-таки я знаю,

что от национализма до нацизма не такое далекое расстояние. Пропasti нет.

«Нет во Христе ни эллина, ни иудея». Эти слова ап. Павла должны были бы быть высечены в сердцах верующих, как на каменных скрижалях. Нет этого – нет веры. Настоящая культура, как и настоящая свобода невозможна без Бога. Душа может быть свободной тогда, когда в ней свободен Бог. «Не то, чего я хочу, а то, чего хочешь Ты». Это великое «Ты» – та единая Глубина, которая есть равно во всех, только до неё надо суметь добраться. Мы все родом из этой Глубины. И настоящая культура есть стремление на эту общую Родину.

Если Бог – это любовь, существующая внутри нас, то Дьявол – это власть, существующая вне нас, управляющая нами извне, стоящая над душой, порабащивающая душу. Вот таким Властелином–рабовладельцем, властителем дьявольского толка был Сталин.

Но этот Дьявол не мог обходиться без лицемерия. Его маской были гуманистические идеи, в которые верили подвижники и мученики революции. Эти идеи соединяли тех, которые строили так называемый новый мир. Вот и остался журнал с таким названием. Именно гуманистические идеи вдохновляли людей, обманутых Сталиным. И долгие годы культура в СССР вовсе не была мертвой. Она была наследницей всей русской культуры и прежде всего великой русской литературы, той самой литературы русского XIX века, которую изумленный Запад назвал литературой святой. Она сказала миру нечто новое или давно забытое – ВЕЧНОЕ. Это ВЕЧНОЕ эту глубину заново открывали миру Толстой и Достоевский, и не только они. Русская литература говорила о том, что связывает всех, а не разделяет, о чем-то, что далеко не сразу может броситься в глаза, но что делает каждое сердце священным.

Да, советская литература продолжала ту же традицию, хотя ей не так-то легко было пробиваться через идеологическую цензуру. Да, травили и очень долго не печатали А.Платонова, но он был и он писал; да, арестовали великий роман В.Гроссмана, что убило его самого; убили Мандельштама, травили позднего Пастернака. И все-таки они и еще многие достойнейшие имена представили русскую литературу XX века. Я уж говорила о тех, кто был лицом страны. Лицом этим и были перечисленные писатели, также как Пришвин, Корней и Лидия Чуковские, Тынянов, Паустовский, Чичибабин, Фазиль Искандер, Василь Быков, Чингиз Айтматов – всех не перечислю. Но у нас была и в XX веке великая литература.

Все национальные литературы бывшего СССР в каком-то смысле составляли единую литературу. Произведения переводились на русский язык или просто писались на русском, входя в литературу русскую и обогащая ее. Таким замечательным русским писателем стал Чингиз Айтматов, которым могут равно гордиться и русский и киргизский народы. То же можно сказать о Василе Быкове и о нашем классике Фазиле Искандере.

Хочу немного вернуться и вспомнить пример еще из царских времен. Он касается одного из благороднейших русских писателей, истинных рыцарей духа – Владимира Галактионовича Короленко. Он был наполовину украинцем, наполовину поляком. В гимназии очень увлекался Тарасом Шевченко и с большим воодушевлением стал читать вслух «Гайдамаков» своему еврейскому другу – однокласснику. И вдруг увидел искаженное болью лицо мальчика и... остановился. (В поэме шла речь о еврейском погроме). Все переосмыслилось в душе юного Короленко и он выбрал свою национальность. Он ощутил себя родом не с Украины, не из Польши. «Моей национальностью стала русская литература», – написал он в «Истории моего современника».

Так вот, сказав все это, вернусь к нашим дням, к великой боли наших дней – русско-украинскому разрыву. И скажу очень горькие слова: украинская февральская революция была прежде всего революцией националистической. Да, несмотря на всю справедливость, чистоту и героизм первого времени Майдана, даже в самом своем истоке более или менее осознанно здесь был ориентир на Запад и разрыв с Россией. Националистическим Киев стал уже давно. Наш друг, талантливая писательница и чистокровная украинка (не хочу сейчас называть ее имени) еще в 90-е годы сменила киевскую квартиру на Коктебель, потому что задыхалась в атмосфере киевского национализма.

Ходил анекдот о том, что надо, наконец, начать читать Гоголя на родном украинском языке, без русского перевода. Потом выяснилось, что это не анекдот – люди говорят это убежденно. Гоголь, конечно, писал очень много об Украине, украинский фольклор был его родной стихией, но, разумеется, писал он на русском языке и не разрывал, а связывал оба эти народа. И знаменитая гоголевская тройка – Русь, несшаяся в незримое «далеко», несла вместе оба народа. Куда угодно, только не к разрыву. Тут мне хочется вставить несколько строк из прекрасного стихотворения Б. Чичибабина «А я живу на Украине», написанного в 1992 г.

Свой дух вобрав в ее природу¹,
 Ее простор, ее покой,
 Я о себе не думал сроду,
 Национальности какой.
 Но чуял в сумерках и молниях,
 В переполохе воробьев
 У двух народов разномолвных
 Одну печаль, одну любовь.
 У тех и тех – одни святыни,
 Один Христос, одна душа, –
 И я живу на Украине,
 Двойным причастием дыша.

.....

¹ Природа Украины

И я тоски не пересилю,
Сказать по правде, я боюсь
За Украину и Россию,
Что разорвали свой союз.

.....
Но я живу на Украине,
Да и зароете в нее ж.
Дал Бог на ней укорениться,
Все беды с Родиной деля,
У русского и украинца
Одна судьба, одна земля.

Литературы наши перекликались, переплетались. Переводили на русский и становились классиками обеих литератур, и Тарас Шевченко, и Иван Франко и, особенно мне близкая, ставшая частью моей души Леся Украинка.

Однако антирусские настроения крепили. Первая «оранжевая революция» была действительно мирной и заставила отменить фальсифицированные выборы Януковича. Восторжествовала справедливость – выбрали Ющенко. Провозгласили Бандеру национальным героем. Кажется памятник ему поставили. Но через 4 года выбрали... Януковича уже вполне честно. Не устроил Ющенко. Я не знаю, что было потом. То, что Янукович посадил в тюрьму Юлию Тимошенко было не только преступлением, но и страшной глупостью. Я очень далека от идеализации Януковича, очень далека, и все-таки убеждение, что от него надо было рваться не на Запад, а к себе самим.

В фильме «Беседы с мудрецами», который снимала Ирина Васильева, есть кадр: Г.Померанц, спускаясь по узкой дачной лестнице, вдруг останавливается на площадке и говорит: «Я был самим собой при сталинском режиме. Это значит, что при любом режиме можно быть самим собой». Не хочу высказывать профанические суждения о политике и экономике. Надо было или не надо Украине рваться в ЕС, я не знаю. Одни говорят, что не только Украине, но и России надо было вступать в ЕС. Другие говорят иначе – о теснейшей связанности экономики Украины и России и о губительности экономического разрыва для обеих стран. Один очень близкий мне друг говорит, что вступление в таможенный союз означало продолжение неслыханной коррупции и потому нужно было идти в ЕС (замечу в скобках: недавно узнала, что в Израиле сняли премьера за коррупцию, сняли и судили, но не устраивали вооруженного восстания). Знаю только одно: то что происходит на Украине – слишком дорогая цена за любые грядущие блага.

Почему Украине надо было непременно идти в ЕС? Почему не попробовать свои собственные силы в организации собственной жизни в частности ликвидации коррупции?

Один раз вы уже добились честных выборов мирным путем. Почему не попробовать еще раз? Мирным путем не вышло. Кто бы ни начал военные действия, но вы не отказались от них. Началась война за

справедливость. Каин тоже боролся за справедливость. С борьбы за нее начинается всё. Но всё доброе и сама справедливость кончается, если не вспоминают, что есть ценность большая, чем справедливость.

В гражданскую войну и белые и красные бились за справедливость. Кровь лилась рекой. И был один мудрец, великан Духа и очень большой поэт Максимилиан Александрович Волошин, который укрывал у себя в доме гонимых – тех и других.

И я один стою меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.
(М.Волошин).

Сейчас полный маразм на территории России. Националистические, даже шовинистические настроения, которые были маргинальными, набрали силу и на Украине, и в России. Была информация, что в Одессе шли демонстрации с хоругвями и с портретами Сталина. В России дошло до того, что некоторые думцы надумали арестовать Горбачева.

Наши радикалы, правозащитники, честные и часто близкие нам с Гришей люди, видят только одну правду – свет Майдана. Свет Майдана и полная чернота Октября – это обязательное сочетание.

Я начала свою статью с рассказов об Октябре. Уверена и сейчас, что там был свой свет, может быть, не меньший, чем на Майдане. Но...

В книге В.Гроссмана, о которой я не раз говорила, были страницы – разговор эсэсовского начальника с заключенным – старым большевиком Мостовским. Эсэсовец доказывал ему, что конфликт Германии и СССР – ошибка, что мы в сущности одинаковы. Мостовский был от этого в ужасе. В этом ужасе вся разница. Одинаковыми были средства и убежденность, что цель оправдывает средства. Цели были разные у Гитлера и Ленина, в которого верил Мостовский. У Гитлера и Сталина уже и цели сроднились. Но ленинское «нравственно то, что полезно для революции», ленинские средства были вполне сравнимы с гитлеровскими, хотя Ленин, как и его верный последователь Мостовский, пришел бы от этого в ужас.

Да, Октябрь начался с того, что казалось людям светом: «Фабрики – рабочим, землю – крестьянам, мир, а не война». Что из этого получилось, мы знаем.

Еще в глухие советские времена, когда мы только поженились с Гришей, он ввел меня в свою компанию, где был традиционный тост: «За новую революцию». Я пить за это отказалась, немало смутив гришиных друзей. Да, отказалась тогда и отказываюсь сейчас.

Полная бескомпромиссность, полная верность себе – это обязательно. Но революция – это другое. Это то, что поднимает всю муть со дна. Муть, в которой можно захлебнуться и задохнуться. Я не хочу разбираться в причинах конфликта. И в том, кто первый сказал «А». Пусть майданцы были самые чистые и светлые, но они не оттолкнули от себя «правый сектор». И не думаю, что кто бы то ни было, кроме

«правого сектора», смог совершить вооруженный переворот (пусть он будет даже самый справедливый на свете), но вооруженный переворот – это то, что поднимает всю муть и заливает землю кровью.

Русское общество раскололось так, как на моей жизни не было еще ни разу. Антирусская филоукраинская волна заливает всю либеральную прессу. И это только усиливает напряжение. Доходит до анекдотов, но слишком грустных. Валерия Новодворская опубликовала свой очередной опус в «Новом времени» о Гоголе. Это будет почище того, что пора читать Гоголя в украинском подлиннике, а не в русском переводе. Оказывается, Малороссия была для Гоголя раем, а все мертвые души, все Вии, всё, что задушило Николая Васильевича – это Российская империя. (По-моему прямой путь к Октябрю). Чем одностороннее либеральная пресса, тем агрессивнее и развязнее антилиберальная. И вот мы накануне войны и «благородный» Запад, спокойно терпевший и бомбы над Белградом, и все, что было в Сирии и т.д., снова грозит российской «империи зла», считая, что холодная и даже горячая война – приведут к миру.

И никогда еще мы не были так далеки от той единственной революции, без которой мир погибнет – от революции нашего преображения.

У нас была общая история и мученическая и позорная. И не русские угнетали украинцев и грузин. А все, восхвалявшие Сталина и поддерживающие Гулаг, были равно виновны. Горбачев, придя к власти, начал с освобождения покоренных Сталиным народов. Он отпустил весь так называемый социалистический лагерь. А Абуладзе создал великий фильм «Покаяние». Не русских обвинял грузин, а Арама Аравидзе, которому верил грузинский народ, также как и русский. Все народы, объединенные коммунистической идеологией думали, что они устраивают мир на всей земле – мировое братство. Чистая и светлая женщина поет шиллеровскую оду к радости «Обнимитесь миллионы». Ей подпевает хор. Поют под музыку Бетховена. А в это время лучшего человека, какого только мог показать фильм, пытаются. Он подвешен на кресте. Кто это делает? Грузин? Русский? Украинец? Немец?

Народы СССР должны были пережить такое же покаяние, как народы Германии, а не сваливать вину друг на друга и рваться в разные стороны. Выход из утопии не в национализме, а в новом духовной пласте бытия – в совершение единственной революции внутри самих себя.

Григорий Соломонович считал, что XXI век будет веком Святого Духа. Об этих его словах я не раз говорила, поясняя при этом, как далеко такое утверждение от прекраснотушия.

Он просто считал, что все утопии исчерпаны, что ни одна из них не может быть основанием достойного человеческого бытия. И возврат к национализму – одна из губительнейших утопий. Он ясно видел, что ничто кроме осознания силы Святого Духа, ничто, кроме истинного обращения к Нему не сможет спасти обезумевшее человечество. Должно произойти нечто подобное тому, что произошло некогда в умиравшей Римской империи. Весь наш европейский мир сейчас очень близок к

тому, что было около 2000 лет назад в Риме. Огромная материальная сила и прогрессирующая бездуховность. Запад, куда так рванулась Украина, очень во многом похож на цветаевский город Гаммельн. Свобода, понятая как полное своеволие, культ гедонизма, проблема однополых браков, как чуть ли не главная проблема жизни, и омертвевшая чисто формальная религия.

Во времена упадка Римской империи воплотился, стал воистину живым Бог. Души, пришедшие к Богу, Бог оживший в душах, – вот что спасло мир. Вся дальнейшая история – история нового и нового распятия, бесконечно длящегося в сердцах людей. Мир держится не на материальной мощи сверхдержав, не на воплощении утопий (того или другого содержания). Он держится на семи или тридцати шести праведниках. Никто не сосчитал сколько их, но мир держится на них. И если их не будет, он рухнет независимо от того в ЕС или Таможенный союз рванется Украина.

Я сейчас почти в полном одиночестве. Мои очень близкие друзья и на Украине и в Москве думают не так, как я. Моя духовная дочка, живущая в Харькове, говорит: «Да, да на духовном уровне я с тобой согласна, но скажи, что нам делать сейчас, когда на Украине война (как она считает, развязанная Путиным). Что нам делать?»

Мои ответы, мои возражения ее не удовлетворяют. Они ей представляются неконкретными.

Мой очень близкий друг, живущая в Москве женщина, ходившая на все протестные митинги, радовавшаяся (как и я) освобождению Ходорковского, как личному празднику и пришедшая в ужас от того, как разделялись с «болотниками», сама видевшая, как выкручивали руки совершенно мирным людям (до хруста выкручивали); так вот эта женщина на мой вопрос: «хотите ли вы, чтобы в Москве был Майдан?», ответила: «да, хочу!» Ну вот, а я – не хочу! Не хочу! Не хочу! Другой мой друг, женщина живущая в Одессе, спросила меня (до страшных одесских событий): «Неужели всё терпеть? Сколько можно?»

–Нельзя? Да? Так кто же хочет войны?

Все это неразрешимые вопросы, если всем сердцем и всей изболевшейся душой не вспомнить... да, – Его – Христа.

Мы выбираем Варавву и с одной и с другой стороны. Борца за справедливость, а не Того, кто говорит: «Отдайте кесарю кесарево, а Богу Божье».

Напоследок я хотела бы вернуться к тому, кто никогда не выбирал Варраву. К очень любимому мной Максимилиану Волошину и к его Коктебелю, который для меня является символом всего такого спорного сейчас и такого дорогого сердцу Крыма.

Когда-то Волошин, приехав в пустой Коктебель, увидел в причудливо сложившихся скалах Кара-Дага свой профиль. Волошин был покорен красотой Коктебельской бухты. Профиль – был зна́ком, почти чудом. Здесь был настоящий нерукотворный храм и Волошин начал вписывать в него – рукотворные строения. Так и возникло это благословенное место. В основе – Волошинский дом, рядом – дом его

матери. Умирая, Максимилиан Александрович завещал оба дома с прекрасным приморским парком, разбитым его матерью, Союзу писателей. Дар был принят. К двум волошинским домам прибавилось еще 17 корпусов. Все они очень бережно вписывались в парк, не нарушая его гармонию (ни один дом не выше деревьев). На дорожках парка – стенды с надписью: «Соблюдайте тишину, работают писатели». Все это я слишком хорошо помню. Мы с мужем ездили в Коктебельский Дом творчества с 74 по 97 год.

Мы были людьми второго сорта – не члены Союза. Я была членом группкома переводчиков, а Гриша «муж при путевке». Нам – путевка без скидки и самые худшие номера. Но из последних сил собирали деньги с помощью моей подруги и мы ездили в Коктебель каждый год. И это были лучшие месяцы в году.

В Феодосии нас ждал автобус Дома творчества и шофер Лёня увозил нас в родной Коктебель. В 70-ые годы на ветровом стекле лёниной машины появился портрет Сталина. Писатели возмутились. «Иначе не проедешь», – сказал Лёня, но портрет все-таки пришлось ему снять.

Вскоре Лёню выбрали парторгом Дома творчества. А потом сняли директора – очень приличного человека и директором стал Лёня. Ну, а затем перестройка. Дом творчества стал Лёниной собственностью. Парк – его именем (без копейки, даром). И кончился Дом творчества. Стал Лёниной гостиницей, которого теперь звали Леонидом Николаевичем. Объем тела прежнего Лёни увеличился втрое. Ну, а о тишине, о молитвенной сущности Коктебейля думать забудьте. Мы стали ездить уже снимая комнату у частных лиц. Прежние работники Дома творчества, хорошо зная нас, бросались к нам почти со слезами и даже с упреками: «Почему Москва нас бросила?»

Что мы могли ответить?

Дух наживы, цинизм, похабщина – вот что царит в Коктебейле. Москва ли, Киев ли – не все ли равно? Дух общий. Вот против чего надо восставать всей душой. Вот что такое поругание храмов, не меньшее, чем разрушение церквей большевиками. Но... мы стали религиозными. Мы строим храмы... Крым, конечно, часть русской культуры. Но культуры, а не варварства. А оно – варварство это, одинаково русское или украинское. Вот если бы мы восстали вместе за русско-украинскую культуру...

– Так что ты говоришь, что при советской власти было лучше? Ты за советскую власть? – возражают мне некоторые, выслушав этот рассказ.

Люди, побойтесь Бога. Я – вдова Померанца. Отношение Померанца к советской власти слишком хорошо известно. У меня такое же. Но значит ли это, что надо «до основанья, а затем...» Всегда до основания, а что затем?

Социализм в сталинском исполнении был адом. В исполнении постсталинском он тоже был унижительным рабством, пространством, где воздуха сильно не хватало. Мы задохались.

Падение этого режима было бесконечным счастьем. Но... мы попали почти что из огня, да в полымя... в бандитский капитализм.

И если социалистическая эпоха не могла существовать без пусть лицемерно признанных каких-то общечеловеческих ценностей, то сейчас все это отбрасывается. «Не надо лицемерить! Если людоеду хорошо съесть папу и маму, если ему это вкусно, то так и надо сказать безо всякого лицемерия...»

Неужели мы пришли к этому? И тогда подымается новый Майдан или новый Октябрь (вся земля сейчас в революциях) и – вновь по тому же кругу.

Я бесконечно не люблю советский режим. Но Коктебель при советской власти был гораздо лучше, чем сейчас. И здравоохранение было лучше. И образование. Да, несмотря на все возражения. Мы были наследниками великой культуры, и как бы ее ни интерпретировали, как бы ни корежили, она впитывалась, признавалась священной. И наряду со всем лакированным уродством, были прекрасные, добрые, целомудренные фильмы. Бога надо было писать с маленькой буквы, не признавая Его существования, но Он жил в сердцах безымянный, названный просто совестью, любовью, обнажившемся сердцем.

Все это при постсоветской свободе стало считаться ханжеством и вместо обнажившегося сердца, появилось огромное количество обнажившегося хамства, порнографии. Свобода стала чем угодно, только не свободой Бога внутри нас.

И никогда нам не была так насущно необходима Единственная революция – освобождение Бога, пленённого нашим обезумевшим «я», индивидуальным или коллективным эго.

Мне хочется закончить мои горькие раздумья отрывком из стихотворения Бориса Чичибабина, в котором звучит такая же боль, как и моя. Стихотворение называется «Россия – будь» (1992). Пишет человек, чувствующий своей родиной равно Украину и Россию и равно болеющий (да, до пота кровавого) за обе страны, которые чувствует одной:

Во всю сегодняшнюю жуть
В пустыни городские
И днем шепчу: Россия – будь!
И ночью: Будь, Россия!

.....
И днем с огнем их не достать
Повывелись давно в нас
Твоя «особенная статья»,
Хваленая духовность.

.....
Ты ж тыщу лет была рабой,
С тобой сыны и дочки.
Генералисимус рябой
Довел тебя до точки.
И слов былых не уберечь.

От мира обособясь,
Но остаются дух и речь,
История и совесть.
В Днепре крестившаяся Русь,
Чей дух ушел в руины,
Я вечности твоей молюсь
С отпавшей Украиной.

14.05.2014.